

ДЕТЕКТИВНАЯ ОСЕНЬ

Татьяна **УСТИНОВА**

Людмила **МАРТОВА**

Евгения **МИХАЙЛОВА**

и другие :-)

Великолепные детективные истории

Татьяна Устинова

Детективная осень

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Детективная осень / Т. В. Устинова — «Эксмо»,
2022 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-172037-7

Общеизвестно, что всем временам года великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин предпочитал осень. И многие читатели разделяют его отношение к этому волшебному сезону прозрачного воздуха, ярких красок природы и того особенного настроения, которое может подарить только осень. Любят его и популярные писатели — Татьяна Устинова, Людмила Мартова, Евгения Михайлова и их блистательные коллеги по перу, остросюжетные рассказы которых вошли в сборник «Детективная осень». Что нужно для того, чтобы со вкусом встретить и провести осень? В первую очередь, конечно же, хорошее настроение, ведь первые холода — это вовсе не повод унывать! А его вам обеспечит прекрасная книга, которая так и называется — «Детективная осень». В состав сборника входят произведения: Ирина Грин - Магия листопада Екатерина Барсова - Портрет на фоне Вавилонской башни Татьяна Устинова - О карманных слонах Людмила Мартова - Зеркало графа Дракулы Анна Данилова - Призраки Ренуара Евгения Михайлова - Марго Наталия Антонова - Превратности любви

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172037-7

© Устинова Т. В., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Ирина Грин	7
Екатерина Барсова	16
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Татьяна Устинова, Людмила
Мартова, Евгения Михайлова,
Ирина Грин, Екатерина Барсова,
Анна Данилова, Наталия Антонова
Детективная осень**

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Ирина Грин

Магия листопада

Я бежала по сырой аллейке среди золотистых тополей.

– Главное, следи за дыханием, – учил бывший муж Альберт.

От него у меня осталась привычка бегать по утрам и собака – огромный рыжий пес по кличке Шукер. Раньше мы бегали по этому парку вдвоем, каждое утро, независимо от погоды. Теперь Альберт совершает пробежки с кем-то другим. Шукера он оставил мне, потому что новая пассия категорически отказалась взять собаку в дом.

После ухода мужа оказалось, что следить за дыханием – совсем не главное. Когда мы с Альбертом познакомились, я только поступила в институт. Мы жили с родителями и братом в большой четырехкомнатной квартире, родовом гнезде, как называла его мама. Она была ужасно против нашего брака, считая, что надо сначала окончить институт. Но потом смирилась и даже согласилась разменять квартиру на две: для себя, папы и брата и маленькую для нас с Альбертом. Через полгода женился брат Сашка. Невеста была на седьмом месяце, поэтому они с радостью поселились под крылом у будущей бабушки.

После бегства Алика я осталась одна, без работы, но с большим, хронически голодным псом. Моей стипендии могло хватить лишь на неделю сытой собачьей жизни. Свалиться на голову родителям с огромным псом не позволяла совесть.

Впрочем, один раз, поддавшись минутной слабости, я забежала в родной дом. Кристина, жена брата, бледная, с синяками от бессонных ночей под глазами и орущим младенцем на руках, была одна. По выражению воспаленных, уставших глаз я поняла – мне здесь абсолютно не рады. Задав пару ничего не значащих вопросов, я ретировалась.

– Маринка, чего приходила-то? – уже на лестничной клетке крикнула мне вслед Кристина.

– Да так просто, – отозвалась я, сбегая по лестнице.

Последующее общение с родителями свелось к дежурным маминым звонкам:

– Мариночка, как вы там с Аликом?

– Да все нормально, мамуль, не волнуйся. Вы-то как?

Она рассказывала домашние новости: папа и Сашка целыми днями на работе, ребенок плачет, она болеет...

– Хорошо, что у тебя все в порядке, доченька... Единственная отрада. Хоть за тебя не волноваться.

Когда запас денег подошел к концу, передо мной встала проблема выбора: срочно найти работу или умереть с голоду вместе с Шукером. Вакансия нашлась быстро – в соседний круглосуточный супермаркет требовались ночные кассиры. Через два дня я гордо восседала в кассовом боксе, вежливо, как учили, улыбаясь покупателям. Итак, с первой серьезной проблемой в жизни я справилась – голод отступил. За всеми этими боями за хлеб насущный я как-то совсем позабыла про Алика. Наверное, другая женщина на моем месте должна была ужасно страдать. Но вместо страданий я почувствовала облегчение.

Почти сразу после свадьбы я поняла, что мы с Альбертом вовсе не две половинки. Мама была права, наш скоропалительный брак ничего хорошего не дал. Но тогда мне ужасно хотелось стать самостоятельной: не отчитываться, куда и зачем я иду, не выслушивать замечания по поводу слишком яркого макияжа или чрезмерно короткой юбки... Каким же глупым все это казалось сейчас!

Однажды свежим сентябрьским утром мы бежали по любимому парку. Вдруг пес дернул головой и стрелой понесся куда-то.

– Шукер! Стой, – заорала я. Куда там...

Я пересекла лужайку и замерла: на ярко зеленой траве кувыркались два пса – Шукер и незнакомый палевый лабрадор. Они не дрались, наоборот, это была веселая игра двух расшалившихся подростков. Шерсть собак блестела в неярких лучах восходящего солнца, пасти открыты от удовольствия. Они были похожи на два гигантских листа, сброшенных кленом-великаном на зеленый ковер.

– Это ваша собака? – раздался совсем рядом мужской голос.

Ну вот, сейчас начнут читать морали, что такой большой пес и без намордника.

– Моя, – отозвалась я, оборачиваясь. – Он не кусается.

– Я заметил, – отозвался мой собеседник и неожиданно засмеялся.

Это был такой открытый и заразительный смех, что я невольно перестала злиться и подошла поближе, чтобы рассмотреть его обладателя.

Молодой мужчина, очень бледный, с коротко стриженными черными волосами. Его блестящие, глубоко посаженные карие глаза светились от удовольствия. Мужчина сидел на скамейке, рядом лежал открытый ноутбук.

– Садитесь. – Он похлопал ладонью рядом с собой. Было в этом жесте что-то очень располагающее, и я невольно последовала его приглашению. – Скажите, как вас зовут?

– Шукер, – кротко ответила я.

– Это имя или фамилия?

– Кличка. Вообще-то так звали какого-то знаменитого футболиста.

– Вы увлекаетесь футболом?

– Нет, футболом увлекается мой муж, – пресекла я попытки к дальнейшему сближению.

– Понятно. – Он пожал плечами и потянулся к ноутбуку. Его длинные тонкие пальцы забарабанили по клавишам.

Я смотрела на эти пальцы и вдруг ощутила странное, абсолютно иррациональное чувство. Мне захотелось дотронуться до них и даже, о ужас(!), прикоснуться к ним губами. Я постаралась прогнать эти мысли из головы, но они не ушли, а удобно расположились где-то рядом, обещая вернуться при первом же подходящем случае. И он не замедлил представиться. С веселым лаем собаки подбежали к скамейке.

– Лайза, девочка моя. – Мужчина схватил пса за холку и притянул к себе. Длинные пальцы утонули в мягкой палевой шерсти.

«И я хочу», – заявил в моей голове противный голос, а по спине пробежали мурашки.

– Так, Шукер, что-то мы с тобой засиделись, – скомандовала я, – бежим дальше.

По всему виду было заметно, что пес категорически против. Пока мы бежали до поворота, он несколько раз обернулся, прощаясь взглядом с новой подругой...

С тех пор наши встречи стали частыми. Олег, так звали мужчину, все время сидел на одной и той же скамейке с неизменным ноутбуком.

– Ты студент? – как-то спросила я.

– Почему ты так решила?

Я пожала плечами.

– Может, и так... – после паузы ответил он.

– И что ты изучаешь?

– В данный момент – магию...

– Да ладно, я же серьезно...

– Я тоже серьезно. Вот посмотри на эти деревья.

Я уставилась в указанном направлении.

– Деревья как деревья... – Я пожала плечами. – Просто деревья...

– Запомни, в нашей жизни ничего не бывает просто. Посмотри, как падают листья...

Посмотри внимательно...

И вдруг я увидела. Листья падали, но каждый по-своему. Вот стремительно шмякнулся на землю разлапистый кленовый... Медленно кружась вокруг черенка, спланировал небольшой ярко-охристый лист дуба. А вот – листочек осинки, круглый, блестящий на солнце, как новенькая золотая монетка, кувыркается в воздухе и, внезапно подхваченный порывом ветра, уносится куда-то вдаль. Я вдруг почувствовала, что оторвалась от скамейки и стремительно понеслась вслед за этим листочком. Чувство полета было реальным, я действительно летела. Ветерок играл мною, то подбрасывая, то аккуратно ловя в мягкие объятия, волосы растрепались, щеки и уши горели.

– Я вижу, ты почувствовала... – Олег с одобрением смотрел на меня. – Это одна из самых древних магий – магия листопада. Она завораживает. Если долго смотреть на падающие листья, душа освобождается от страхов, агрессии, неверия. Жаль только, у нас часто не хватает времени воспользоваться этим простым средством. Мы ленимся смотреть в глубь листопада, грозы, дождя... Мы пьем лекарства, но этим не лечим душу, а только загоняем негатив внутрь. В один прекрасный момент душа уже не может вместить всего... Но это совсем другая история.

Вечером, как обычно, я сидела за кассой. Этот покупатель был ужасно раздражен. Я поняла это сразу по тому, как он швырял продукты из тележки на ленту транспортера.

– Что вы так копаетесь, побыстрее нельзя? – сердито выговаривал он.

Внезапно вспомнился парк, порыв ветра. Я вдруг почувствовала, что касса, сердитый дядька, гора продуктов остались далеко внизу, а я лечу куда-то... Ветерок играет моими волосами...

И тут произошло чудо. Мужчина осекся, а потом пробормотал:

– Извините, девушка, сам не знаю, что на меня нашло...

Я прервала полет, аккуратно приземлившись на стул и пригладив рукой слегка растрепавшиеся волосы.

– Что ты сказала тому толстяку? – заинтересовалась продавщица Любочка.

– Да ничего, а что?

– Представляешь, он потребовал жалобную книгу, я уже попрощалась с премией, а тут... Смотри сама...

На желтоватой странице крупным размашистым почерком было написано: «Спасибо за отличное обслуживание».

Когда на следующее утро я рассказала об этом Олегу, он рассмеялся добрым заразительным смехом, а потом совершенно серьезно сказал:

– Вот видишь, ты замечательная ученица. Еще немного, и станешь настоящей волшебницей.

Бабье лето подходило к концу. Однажды мы, как всегда, сидели на скамейке. Я любовалась листьями, которые ветерок весело гнал по пустым дорожкам. Олег был необычайно молчалив и даже, как мне показалось, подавлен, неохотно отвечал на вопросы. Мне сделалось так грустно, что захотелось встать и уйти. Вдруг на повороте дорожки показалась большая черная «Ауди».

«Если много денег, законы не действуют, – промелькнуло у меня в голове, когда машина подъехала к нашей скамейке, – можно ездить прямо по парку».

Из автомобиля вышел водитель – высоченный мужчина с бритым затылком и суровым выражением лица. Олег обернулся ко мне, словно хотел что-то сказать. Лицо его исказила болезненная судорога.

– Марина! – произнес он, но тут водитель открыл заднюю дверь, подошел к Олегу, бережно, словно маленького ребенка, обхватил его, приподнял со скамейки, усадил в машину. Лайза явно привычно заскочила на переднее сиденье. Хлопнули двери. За тонированными

стеклами ничего не было видно. Мы с Шукером сидели ошеломленные, ничего не понимающие. Еще мгновение, и автомобиль исчез за поворотом, словно мираж.

Я огляделась кругом. Парк словно замер в ожидании скорой зимы. Повсюду валялись искривленные предсмертной судорогой листья. Очарование природы исчезло. Какая же я дура! Как могла не понять, что он болен! Ведь сколько раз я видела Олега, он всегда сидел на скамейке. Не стоял, не ходил, а только сидел. Как можно быть такой слепой?

У меня еще оставалась надежда, что завтра все будет по-прежнему: парк, скамейка, Олег с ноутбуком. Но и завтра, и послезавтра, и через неделю скамейка пустовала.

По привычке я все еще бегала каждое утро в парке, но все, что я в нем любила, исчезло. Осталась только ужасная пустота в груди. Там, где у нормальных людей находится сердце. Я очень долго привыкала к жизни с этой пустотой. Все силы бросила на зарабатывание денег, отказавшись от веселых компаний институтских друзей. Незаметно пришла зима. Первый снег саваном укутал город.

* * *

Приближался Новый год. И однажды на той же дорожке я вдруг встретила Альберта! Он был, как всегда, неотразим – гладко выбрит, идеально подстрижен, энергичен. Увидев меня, весело помахал рукой.

– Маринка! – Я ощутила давно забытый аромат от Prada. – Маринка!..

– Ты что, забыл все остальные слова?

– Господи, Маринка, как я рад тебя видеть! Какая ты... Как мне тебя не хватает!

– По-моему, ты нашел более подходящую женщину...

– Нет. Я чудовищно ошибся. – Он схватил меня за руку. – Я всю жизнь любил только тебя.

Я молча высвободила руку – его прикосновения не вызывали во мне никаких эмоций. Слова отдавали мыльной оперой – мой повзрослевший разум уловил в них явную фальшь.

– У нее на все аллергия, – с горячечным жаром убеждал меня Альберт. – На мужчин, на детей, на запах спиртного, на мои задержки на работе. Маринка, возьми меня обратно. – Он умоляюще посмотрел на меня.

– Тебе что, жить негде? – поинтересовалась я.

– Ага, – с затаенной надеждой подтвердил он и жалостливо посмотрел на меня.

Может, когда-то я и попалась бы на этот крючок, но не сейчас.

– Извини, не могу, – резко, может, даже излишне, ответила я.

– У тебя кто-нибудь есть?

– Извини. – Я повернулась и побежала дальше.

– Между прочим, это мой пес, – крикнул он мне в спину.

– Ну и возьми его, если сможешь!..

Ночью я долго не могла уснуть, а когда, уже под утро, удалось задремать, мне приснился удивительный сон. Это был все тот же парк, наша с Олегом любимая скамья, усыпанная золотом листопада. И тут я услышала его голос, слово в слово, буква в букву повторивший слова, сказанные накануне Альбертом:

– Господи, Маринка, как я рад тебя видеть! Какая ты... Как мне тебя не хватает!

Но если в устах Альберта эти слова звучали как фарс, то сейчас они были полны отчаяния, боли и одиночества. Я обернулась и увидела Олега. Он шел мне навстречу с букетом желтых хризантем и улыбался.

«Олег!» – хотела крикнуть я, но голос куда-то пропал, тело отяжелело, ноги, не справившись с такой тяжестью, подогнулись, и я шмякнулась на ковер из листьев.

Он прошел мимо, а я смотрела ему вслед, не в силах что-либо предпринять. Солнце освещало его силуэт, букет хризантем в руках горел золотом. Еще несколько шагов, и он исчез, словно его и не было.

«Олег!» – снова попыталась крикнуть я и проснулась.

Что это было? Фантазии, навеванные вчерашней встречей с Аликом? Или Олег действительно нуждается в моей помощи?

И почему я раньше об этом не подумала? Вдруг он живет совсем рядом с парком, но по какой-то причине не может выходить на улицу? Я бы могла помочь ему! Например, вывозить гулять на коляске, разговаривать с ним... Да много чего могла бы для него сделать, лишь бы найти его. Но как? Я даже фамилии не знала.

В институте мне было не до занятий.

– Маринка, ты что, спишь с открытыми глазами? – довольно чувствительно толкнула меня в бок Лена Зайцева.

– Нет, просто задумалась. Как можно найти человека, зная только марку его автомобиля и кличку собаки?

– Ну, можно, например... – произнесла Лена и зависла, накручивая прядь волос на палец.

– Например что? – попыталась я ускорить ответ.

– Например, обратиться к Витьке Головастику, – радостно выпалила Лена, и я мысленно в очередной раз укорила себя за непроходимую тупость.

Витька Головастик – наш сокурсник. На самом деле его фамилия Борисов, но из-за повышенной эрудированности и способности ответить практически на любой вопрос к нему прилипла смешная кличка. Впрочем, Виктор на кличку не обижался. Мало того, она ему даже нравилась.

Не откладывая дела в долгий ящик, на ближайшей перемене я подошла к Борисову.

– Виктор, – серьезным тоном начала я, – мне очень нужна твоя помощь.

– Очень-очень? – попытался пошутить он, но, видя полное отсутствие реакции с моей стороны, тут же посерьезнел. – Рассказывай.

И я рассказала – вкратце, конечно, не особо вдаваясь в подробности. Но суть Головастик схватил.

– То есть, если я правильно понял, тебе нужно найти хозяина черной «Ауди», причем ни номера, ни модели ты не знаешь. Так?

Я кивнула и добавила:

– У нее еще задние стекла тонированные. И машина такая... большая. – Я развела руки, показывая примерный размер.

– Лучше бы ты номер запомнила. Хотя бы пару цифр! Ну ладно, я подумаю, что можно сделать. Как придумаю, расскажу.

– А скоро? – заикнулась было я.

– Как только, так сразу.

– Хорошо. Что я тебе буду должна?

– Что должна? – Он задумался, а потом сказал: – Сходишь со мной в кафе. Лады?

На следующее утро Виктор подошел ко мне с озадаченным видом.

– Слушай, Маринка! Этих «Ауди» на самом деле жуть сколько моделей. Давай ты посмотришь, может, определишь, что за тачка была? – И он сунул мне планшет.

Машин было штук двадцать – двадцать пять, и, на мой неискушенный взгляд, они походили друг на друга, словно куриные яйца из одной партии.

– Ну, может, эта... – Я неуверенно ткнула пальцем в одну из фотографий.

– Эта – потому что она черная? – уточнил Головастик.

Я пожалала плечами.

– И, кстати, черный цвет у «Ауди» тоже бывает разным. Есть блестящий черный, есть черное дерево с эффектом черного жемчуга, есть черный с эффектом вулканического черного жемчуга...

– Вить, – безжалостно оборвала я разглагольствования однокурсника, – ты в кафе хочешь?

– Понял. Но ты понимаешь, что в таком случае выборка может оказаться большой?

Выборку он принес через день, и оказалась она не большой, а просто огромной. Распечатка на три листа с фамилиями и адресами людей, владеющих черными автомобилями «Ауди» в нашем городе.

– Как много! – огорчилась я.

– Нормально. Скажи спасибо, что это была не «Лада» или «Хундай Солярис». Вот бы ты набегалась! А так всего-то три сотни адресов. По одному в день – за год всех обойдешь. Я бы на твоём месте начал с хозяев-мужчин по имени Олег. Там их двадцать три человека. А хочешь, я тебе помогу? Вдвоем веселее получится.

Веселее – не веселее, а быстрее определенно. Но я не согласилась.

– Я сама. Может, ещё Шукера привлеку. Это мой пес. А насчет кафе не беспокойся. В понедельник у меня зарплата, так что во вторник...

– Маринка, при чем тут зарплата? Это же я тебя приглашаю. – Головастик густо покраснел, словно переспелый помидор.

– Ну нет, – отказалась я. – Это же ты мне помог. Так что до вторника. Заодно расскажу, что у меня получилось.

Придя домой, благо на работе у меня сегодня был выходной, я перво-наперво выделила желтым маркером всех Олегов. Половина названий улиц мне была неизвестна, но, прибегнув к помощи всеведущего Гугла, я смогла составить маршрут.

Не теряя времени, я отправилась по адресу первого из Олегов. Пока я разбиралась с картой, начался снегопад. До пятиэтажки в отдаленном спальном районе пришлось добираться почти полтора часа. Набрав на домофоне номер квартиры, я ждала ответа, и с каждым звонком меня все больше охватывало отчаяние. Ну почему я решила, что в рабочий день все обязательно будут дома, чтобы пообщаться со мной? Когда я совсем уже собралась отправиться по следующему адресу, из домофона донесся раздраженный мужской голос:

– Чего надо?

От неожиданности у меня пропал дар речи, но всего на пару секунд. Слегка вибрирующим от неуверенности голосом я сказала:

– Здравствуйте! Мне нужен Олег.

– Ну я, – ответил домофон. – Чего надо?

Я уже поняла, что это не тот, кто мне нужен, но продолжала придерживаться плана:

– Я по поводу Лайзы.

– Какой еще такой Лайзы? – взревел невидимый Олег. – Не знаю я никакой Лайзы! Она все врёт, эта ваша Лайза!

Дальнейшая беседа была бессмысленной. Пискнув: «Извините!», – я поспешно ретировалась. Домофон за моей спиной продолжал возмущенно вещать что-то по поводу женщин, которые ищут приключений на свою пятую точку.

По следующему адресу мне никто не ответил, как и еще по одному. Домой я вернулась голодная и разочарованная, быстро выгуляла Шукера. Преданный пес чувствовал мое состояние. Он постоянно оглядывался и смотрел на меня добрыми влажными глазами, словно говоря: «Все получится, не сомневайся».

Помыв посуду после ужина, я стояла у окна и смотрела на падающий снег. Он все валил и валил, погребая под собой город. Затеянное начинало казаться абсолютно невыполнимым, но сдаваться я не собиралась.

Утром мы, как всегда, отправились на прогулку в парк. Дворники еще не успели почистить дорожки, и Шукер порой проваливался в снег до живота. Но жаловаться не собирался – похоже, прогулка ему нравилась. Глядя на его весело машущий хвост, я вдруг подумала: а что, если Олег, как и я, живет где-то рядом с парком? Иначе зачем ему куда-то ездить? Ведь практически в каждом районе есть свои пятачки зелени.

Вернувшись домой, я перво-наперво вычеркнула из выборки первую фамилию. Затем на максимально увеличенной в ноутбуке карте своего района нарисовала окружность диаметром около десяти километров и выписала все адреса, которые в нее попали. Есть чем заняться в ближайшие выходные.

Идея была хорошей и, увы, безрезультатной. Хотя мне удалось застать дома всех хозяев «Ауди», никто из них не оказался нужным мне человеком. Зато выборка сократилась на семнадцать человек.

– Ну как успехи, Маринка? – спросил в понедельник Головастик.

– Пока никак. – Я пожалала плечами. – Хожу, ищу.

– Я тут подумал: а что, если вместо кафе сгонять завтра сразу после занятий в сторону Калиновки? Там по пути сразу шесть адресов. На общественном транспорте долго добираться, пешком холодно, а я бы машину у отца взял. Как тебе такое предложение?

Калиновка – довольно отдаленный район, коттеджный поселок, выросший на месте бывших дач за городской чертой. Добираться туда действительно трудно, разве что на такси. Но подобные траты никак не вписывались в мой бюджет, поэтому отказываться было бессмысленно.

Во вторник оказалось, что преподаватель экономической кибернетики заболел, и уже в начале первого мы с Головастиком отправились в путь. Автомобиль – «Ларгус» серого цвета – бежал уверенно, в салоне было тепло, поездка обещала быть приятной и, может, даже плодотворной.

Предчувствие успеха не покидало меня, даже когда из выборки было вычеркнуто четыре адреса. Отрицательный результат – тоже результат.

– Может, кофе? – спросил Виктор, когда мы остановились возле очередного дома.

Внушительных размеров особняк за не менее внушительным забором не выглядел особо гостеприимным, и я согласилась. Он достал с заднего сиденья термос и налил мне горячего напитка в крышку.

– А ты? – спросила я.

Но тут калитка распахнулась, крышка с кофе шмякнулась мне на колени, но я даже не почувствовала боли от ожога.

Лайза, конечно же, это была Лайза! На конце поводка собаки болталась странного вида тетка в выцветшем китайском пуховике.

– Здравствуйте! – радостно закричала я, выскакивая из машины. – Это же Лайза?

– Лайза, Лайза, – недовольно пробурчала женщина, – а тебе-то что?

– А где Олег?

– Какой еще такой Олег? Не знаю я никакого Олега!

– Олег, ее хозяин!

– Семен Петрович ее хозяин. И Анна Филипповна. Никаких Олегов я не знаю. Я у них уже месяц как работаю. Убираюсь, готовлю, с собакой вот гуляю. Нет там никаких Олегов. – И она зашагала дальше.

– Как же нет?.. – Я закусила губу.

– Маринка! – Оказывается, Виктор давно тряс меня за плечо, пытаюсь привлечь к себе внимание. – Что случилось?

– Все нормально... Все нормально...

– Как же нормально? Ты стоишь у дороги, словно дорожный знак. Джинсы мокрые, а на улице зима. Поехали дальше.

Разумеется, он прав. Нужно ехать дальше. Жить дальше.

* * *

Зима пролетела незаметно, ее сменила весна. Любимый парк расцвел, зазеленел и каждое утро приветствовал нас задорным птичьим пением. Я по-прежнему ходила по адресам из выборки, но делала это скорее машинально. Интуиция подсказывала: если я и узнаю что-либо об Олеге, то только в Калиновке, в доме, где живет Лайза.

Однажды субботним утром мы с Шукером вместо привычной пробежки отправились на автостанцию, откуда ходили автобусы в направлении Калиновки. Поездка на общественном транспорте с огромным псом, пусть даже в наморднике, то еще удовольствие, поэтому мы оба с облегчением вздохнули, оказавшись на свободе. Отсюда еще около пяти километров нужно было идти пешком, но что такое пять километров для нас с Шукером? Сняв с него намордник и отцепив поводок, я побежала вперед, словно вокруг был наш парк, а под ногами – любимая дорожка.

Чем ближе мы подходили к нужному месту, тем сильнее нервничал пес. Он замирал, принимавшись, периодически начинал радостно махать хвостом, снова замирал. Когда же из-за очередного поворота показался дом, служивший конечной точкой нашего маршрута, Шукер понесся стрелой, оглашая окрестности радостным лаем.

В ответ из-за калитки донеслось радостное повизгивание, а затем недовольный крик:

– Лайза! Ты что?

Калитка приоткрылась, из нее испугано выглянула женщина. Та самая, в пуховике, только, разумеется, уже без него, а в ярком сарафане с рюшами и оборками.

– Немедленно прекратите безобразие! Я сейчас в полицию позвоню! – закричала она.

– Тише, Шукер! – Я ухватила пса за ошейник. – Извините. Они с Лайзой друзья, давно не виделись.

Женщина уставилась на меня:

– Друзья, говоришь? Слушай, а это не ты зимой приезжала?

– Я.

– Ну заходи, раз друзья. Хозяева уехали в Европы (она так и сказала – в Европы), сижу тут, как сыч, не с кем словом перекинуться. Проходи на веранду, хоть чаю попьем.

Я не заставила себя уговаривать.

За чаем женщина разговорилась.

Ее звали Катерина, она была матерью двух малолетних сорванцов, отцы которых испарились неизвестно куда. «Мои спиногрызы», – ласково именovala Катерина отпрысков. Сейчас они с бабушкой. Она, конечно, скучает, но надо же кому-то деньги зарабатывать.

Истосковавшаяся по живому общению Катерина говорила без остановки. Я молча слушала ее исповедь о тяготах семейной жизни и постепенно приходила к выводу, что все случившееся со мной – во благо. Жизнь, семья – это жуткая обуза, любовь придумали писатели, чтобы народ покупал их книжки.

– Кстати, Маринка, – сказала Катерина, в очередной раз подливая мне чая, – а ведь и правда был Олег. Это сын моих хозяев. Он попал в жуткую аварию и остался инвалидом на всю жизнь. Отец отправил его куда-то за границу в клинику. Вроде учится на писателя. Заочно.

«Был Олег...» – Душа привычно сжалась в комок.

– А не знаете, возвращаться он не собирается? – с робкой надеждой спросила я.

– Эх, Маринка! Ты бы, если уехала за границу, разве вернулась бы? Это только в песне поется: «Не нужен нам берег турецкий», – а на самом деле все стараются там зубами ухватиться. На все готовы, чтобы остаться.

За предсессионными хлопотами я не заметила, как наступило лето. Каникулы мне хотелось использовать на полную катушку, чтобы заработать побольше денег. Нужно купить новые сапоги, да и маму с папой порадовать подарками. Я по-прежнему играла роль счастливой семейной женщины. Не хотелось услышать от мамы сакраментальное: «Ну вот, я же говорила...» А еще не хотелось жалости.

* * *

И вот снова наступил сентябрь. Все те же золотые тополя, пронзительно-чистый свежий воздух, легкие, свободно парящие паутинки. Бабье лето. В последние дни времени было в обрез, и часто наши с Шукером утренние прогулки заканчивались на ближайшем пустыре. Но сегодня ноги сами потащили меня в парк. Не знаю, почему я вдруг села на ту самую скамейку, где год назад Олег обучал меня магии листопада. Я смотрела на деревья и вдруг почувствовала приближение того самого состояния полета, которого не испытывала уже очень давно. Неуверенно приподнявшись над скамейкой, я сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее полетела над парком. Свежий воздух до отказа наполнил легкие, казалось, еще мгновение – и они лопнут. Сердце бешено колотилось. Волосы растрепались. Ветер бил по щекам, куртка развевалась за плечами ярко-алыми крыльями. Шукер снизу смотрел на меня с одобряющей улыбкой. Да-да, он улыбался всей своей добродушной собачьей мордой. В голове, как круги по воде, возникли и разбежались слова Олега: «Запомни, в нашей жизни ничего не бывает просто».

Вечером я, как обычно, сидела на кассе. Руки машинально подносили к сканеру покупки из корзинки позднего покупателя. Лицо так же машинально улыбалось. «Надо же, корм для собак, Шукер такой любит», – подумала я. Следующая покупка поставила меня в тупик – букет желтых хризантем. Такого товара в магазине не было. Я подняла глаза – передо мной стоял Олег. Бледный, заметно похудевший. Сильно отросшие волосы стянуты в хвост. И только глаза все те же – блестящие, карие, насмешливые.

– Олег... – только и смогла вымолвить я.

Сердце рвалось ввысь, я уже чувствовала знакомый трепет во всем теле. Что-то подсказывало: в этот раз я отправлюсь в полет не одна...

Екатерина Барсова Портрет на фоне Вавилонской башни

*И сразу ветер знакомый и сладкий,
И за мостом летит на меня
Всадника длань в железной перчатке
И два копыта его коня.*

Николай Гумилев «Заблудившийся трамвай»

– Нынче ветрено и волны с перехлестом... – шептала она, глядя на темно-синюю воду Невы, вид которой успокаивал.

Волн с перехлестом не было, но ветер дул сильный, то и дело норовил сбить с ног или швырнуть в лицо горсть обжигающе-холодного воздуха. Она увертывалась от ветра, утыкаясь носом в воротник куртки, но все равно шла вперед, хотя благоразумнее было бы свернуть с этого прямого пути и пройти между домами, где не было ледяных порывов, а дождь моросил мельче и тише.

Анна шла к воде, где нужно было спуститься на несколько ступенек вниз, и тогда темно-серая рябь колыбалась почти у самых ног. Стояли сумерки, при этом небо было светлее воды – она не была в Питере лет пятнадцать и сейчас приехала в студенческом пронизывающем ноябре, потому что нужно было познакомиться с одним человеком, выступающим на конференции в Институте русской литературы, именуемом в обиходе Пушкинским Домом.

Поездка была краткой, спонтанной и необязательной. В ранг дел, принятых к исполнению, она внесла ее сама, недолго думая, потому что понимала: такие шансы выпадают нечасто.

На этой конференции должен был выступать один профессор из Италии, из тех русских, которые уже невольно переняли лоск страны проживания, отчего внешне родного аборигена было не признать, и только мелкие детали выдавали в человеке российскую закуску. К профессору у нее было одно дело, не терпящее отлагательств.

Остановилась она у женщины, с которой познакомилась самым тривиальным способом – через социальные сети. Они сразу почувствовали – пусть и в пространстве лайков, значков, подмигиваний, многозначительных и кратких комментариев – симпатию друг к другу, которая вскоре подкрепилась приглашением приехать в Питер и остановиться не в гостинице, а в предложенной квартире.

На вокзале они взяли такси и поехали на квартиру – жилье одного друга, который находился в деревне и охотно предоставил Анне ночлег на несколько дней. Светлана, так звали знакомую, попила с гостьей чай и вскоре покинула дом, уехав к себе в мастерскую. Она была скульптором и работала над срочным заказом, который нужно было сдать через месяц.

На вечер у Анны было запланировано мероприятие в Пушкинском Доме, куда она и отправилась заранее: следовало еще найти это здание и успеть зарегистрироваться на конференцию. У нее имелось персональное приглашение от профессора, но опаздывать все равно не стоило.

Сначала она шла по Невскому, небо над ней все более густело и принимало серо-зеленый оттенок, размывая очертания домов и старинных зданий. Анна часто останавливалась и рассматривала их, один раз она застыла, засмотревшись на красивую церковь в глубине проспекта, сверкавшую прохладными бело-бирюзовыми оттенками, как игрушка на новогодней елке. «Армянская церковь Святой Екатерины», – прочитала она на табличке. Хотелось зайти внутрь, но не было уже времени. Через несколько метров она набрела на книжный магазин,

сияющий теплым светом, похожий на храм, и нырнула туда на несколько минут, согреваясь от холода. Высокий потолок, казалось, уходил в бесконечность и был похож на библиотеку из «Гарри Поттера», а разноцветные книги напоминали сложные кусочки единого пазла.

Анна снова вынырнула на улицу и пошла по проспекту, миновала Аничков мост и здесь, посмотрев на часы, поняла, что опаздывает и должна воспользоваться каким-либо транспортом.

Сошла она, когда уже моросил мелкий дождь, почти неразличимый, оседавший влагой на руках и лице. Анна пошла к Неве. Тогда и возникла в памяти строчка: «Нынче ветрено и волны с перехлестом...» Она стояла и смотрела на воду – потом перевела взгляд на Пушкинский Дом, горевший маслянисто-желтыми огнями. Она почему-то медлила туда идти. Может быть, боялась подтверждения или, напротив, опровержения своей догадки.

Анна Рыжикова, молодой ученый-историк, сильно волновалась. Это было связано с ее работой в историко-консультативном центре «Клио», где ей приходилось заниматься разгадкой тех тайн истории, мимо которых люди чаще всего почему-то проходят, не задумываясь над тем, что все в мире переплетено в воздушном и тонком пространстве – одни корни смыкаются с другими. В центре «Клио» было всего двое сотрудников. Она, Анна, и ее начальник, доктор исторических наук, человек, которого в научном мире знали и ценили, Василий Курочкин, великий и ужасный. Вася был на самом деле добрейшей души человек, просто следовало привыкнуть к его строгости и к тому, что в работе он всегда спрашивал по самому высокому счету. К ним в «Клио» приходили разные люди. Одни хотели получить консультацию по истории, другие – распутать семейную биографию, полную недомолвок и загадок. История России, особенно после Октябрьской революции, была наполнена подводными камнями, ложными данными и подтасованными фактами, о которые можно было запросто сломать голову. Целые династии ушли на дно, затаились в смутных всполохах эпохи, когда быть на виду означало подвергнуться смертельной опасности. Выживание было мучительным тернистым путем – кто-то успел уехать в эмиграцию, кто-то схоронился, пытаясь остаться в живых, а кто-то не сумел ни спрятаться, ни приспособиться и разделил печальную участь убитых, расстрелянных, безвестно сгинувших в круговерти истории.

Доклад профессора смыкался с одной догадкой, если все будет правильно, то пазл сложится. Профессор Александр Николаевич Медведев был коренным питерцем; в своем докладе он упоминал о малоизвестном портрете Гумилева, который не дошел до наших дней. Ида Наппельбаум, у которой портрет хранился, его уничтожила, но после он был написан заново по уцелевшей фотографии и по ее словам. Этот портрет производил странное впечатление и не был похож ни на один из известных портретов Гумилева. Художником была Надежда Шведе-Радлова, жена Николая Радлова, бывшего самой большой любовью знаменитой балерины Галины Улановой. Облик Гумилева был необычен и далек от канонического. Поэт, не похожий на самого себя, был написан на фоне Вавилонской башни с красной книгой в руках. Дата создания – 1920-й, через год поэт будет расстрелян, а Ида спустя много лет сожжет портрет из опасения, что он послужит уликой для обвинения в «заговоре» или «связи с белогвардейцами». Вот что было известно, дальше простиралась область смутных догадок...

...В холле Пушкинского Дома было тепло и уютно. У кофейного автомата Анна столкнулась с девушкой с длинными кудрявыми волосами. Она пила кофе из стаканчика и морщилась.

– Кофе слишком сладкий или горячий? – спросила Анна.

– Нет.

– Вы на конференцию?

– Да. Я еду на конференцию.

– Вы иностранка? – сообразила Анна.

– Да. Из Италии.

- А вы знакомы с профессором... Медведевым?
- Я у него аспирантура.
- И какая тема?
- Литература Серебряного века.
- А... Замечательно!

Они обменялись еще несколькими фразами и заспешили в зал. Народу было немного, сам профессор сидел в первом ряду и о чем-то беседовал с плотным бодрячком лет шестидесяти. Итальянка, которую звали Флора, села позади Анны. Та поправила шарф и достала блокнот, приготовившись записывать.

Окидывая взглядом зал, профессор остановился на ней и едва заметно кивнул. Анна невольно покраснела.

Профессор был весьма хорош собой – той усталой мужской красотой, которую обычно изображают на рекламе парфюма или дорогой брендовой одежды европейских марок. Его взгляд был по-мужски оценивающим, и Анна подумала, что могла бы надеть серое платье из тонкой шерсти, которое ей очень шло, а не юбку с джемпером, которые придавали ей сходство с офисным работником или школьной учительницей. И еще можно было поярче накрасить губы... Но эти мысли пришли с опозданием, так сказать, вдогонку.

В зале пахло стариной. Анна никогда не думала, что такой запах существует. И тем не менее это было правдой... Старина имела сложный аромат, в котором, как в хорошем коктейле, смешались горьковато-сладкие ноты; это был запах старинной мебели, тяжелых штор с длинными воланами, напоминающими оборки бальных платьев, многоярусных люстр, отсвечивающих приглушенным блеском...

Анна сделала глоток кофе и приготовилась слушать.

Справа от профессора был установлен белый экран, на нем возникла надпись: «Портреты русских поэтов Серебряного века».

Профессор поправил ярко-оранжевый шарф и начал лекцию хорошо поставленным звучным голосом.

...Анна механически делала записи карандашом, время от времени вскидывая глаза на профессора. Пару раз ей показалось, что он говорит, как бы обращаясь к ней, и тогда она с усиленным вниманием вслушивалась в сказанное, уже составляя в уме вопросы, которые она задаст ему позже, когда они смогут переговорить наедине.

Судя по всему, аудитория состояла из старых друзей профессора, который работал здесь до своего отъезда в Италию, и сейчас они радостно внимали однокашнику, сделавшему крепкую европейскую карьеру. Красно-оранжевый шарфик профессора контрастировал с унылыми серо-черными одеждами мужчин, так же как его темные с сединой волосы до плеч – с лысынами и короткими стрижками.

Лекция закончилась, профессора сменил другой оратор, тот самый бодрый толстячок, с которым он переговаривался до начала конференции. Его доклад был посвящен образам красоты Серебряного века. Затем выступила дама внушительных габаритов в массивных очках, в строгом костюме и с тяжелой витой серебряной цепью на шее...

...В половине десятого вечера конференция закончилась. Все встали, с шумом хлопая стульями.

Итальянка направилась к профессору, Анна тоже подошла к нему, но остановилась поодаль. Все окружили русского европейца, взяв его в плотное кольцо, каждый хотел что-то сказать, спросить, обменяться рукопожатием, напомнить о себе. Мерный гул, окружавший Медведева, напоминал ленивое жужжание пчел в летний день.

Свет падал на лысины, скользил по белому экрану и стенам.

Анна стояла в стороне. Постепенно кольцо вокруг профессора стало редеть – наступил момент, когда рядом с Александром Николаевичем остались двое – уже знакомый Анне тол-

стячок в мешковатом свитере и аспирантка Флора. Анна сделала несколько шагов, подступив ближе...

– А я говорю, что варваризация культуры уже наступила, это похоже на то, о чем говорил еще Константин Вагинов в 20-е годы. Кстати, один из лучших учеников Гумилева, он обучался у него в «Звучащей раковине»...

– В Италии тоже об этом говорят, но иногда, – мягко возразил профессор. – Правда, упадок культуры длится уже много столетий, но никто не делает из этого трагедии, в отличие от нас. Итальянцы буквально живут на руинах, но если вы зайдете в любое кафе или понаблюдаете за ними на улице, вы увидите, что великое прошлое для них органично и естественно. Оно сопровождает каждого итальянца на протяжении всего его жизненного пути, впитывается с молоком матери, но они не спорят из-за него так яростно и непримиримо, как это любим делать мы. Согласись с этим доводом, Павел!

Тот, кого называли Павлом, вытер платком взмокшую лысину, переливающуюся от блеска хрустальной люстры всеми цветами радуги.

– Да-да, – рассеянно проговорил он. – Ты прав, дорогой друг. Но это уже особенности нашего менталитета, мы не очень-то доверяем настоящему, поэтому ищем виноватых в прошлом и отчаянно боимся будущего... К тому же будущее мне представляется... – понизив голос, он стал тихо, но настойчиво о чем-то говорить «дорогому другу». До Анны долетали отдельные слова – «место на кафедре», «подумываю о переезде», «здесь совсем невыносимо», «итальянский университет»...

Анна видела, что профессор утомлен напором старого товарища, его взгляд цеплялся за Анну как за якорь, с помощью которого он хотел избавиться от чересчур агрессивного внимания.

– Конечно, конечно... – кивал профессор. При этом глазами он явно сигнализировал Анне приблизиться и вмешаться в беседу.

– Простите меня, – встряла Анна. – У меня к вам вопрос, Александр Николаевич! Мы с вами договаривались, – произнесла она с некоторым вызовом, желая потеснить толстяка, плотно обосновавшегося в орбите профессора.

Взгляд, брошенный на нее Павлом, вряд ли можно назвать дружелюбным, скорее он отреагировал как хищник на вторжение конкурента. Но Медведев озабоченно посмотрел на часы и сказал, обращаясь к Анне:

– У меня не так много времени...

– Я ненадолго, – включилась в предложенную игру Анна.

...С трудом отделавшись от носителя радужной лысины, вскоре они уже шагали к остановке автобуса. Со своей аспиранткой профессор о чем-то тихо переговорил, и она отошла от них, растворившись в питерском вечере. Было уже темно, фонари горели тусклым светом, как масляные плашки – едва-едва... Ветер утих, не было и дождя, но мельчайшие капельки оседали туманом на руках и лице.

– Кажется, нам нужно взять такси, – пробормотал профессор. – Иначе мы тут можем простоять бог знает сколько времени.

В такси пахло апельсинами, Анна сидела на заднем сиденье, профессор впереди. Когда блики падали на его лицо, он напоминал какое-то божество, залитое призрачным светом.

– Вы домой не торопитесь? – донеслось до Анны.

– Нет-нет.

– Тогда мы можем посидеть в кафе и побеседовать.

Такси остановилось около кафе, где в витрине помещались печальный граммофон, старая пишущая машинка и старинный стол со стулом.

– Нам сюда.

За стеклянной дверью скрывалось небольшое помещение с круглыми столиками и ажурными стульями. На стенах были портреты Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Михаила Кузмина, Николая Гумилева, Максимилиана Волошина.

– Кафе посвящено Серебряному веку, – пояснил профессор. – Но вы уже, наверное, и сами догадались об этом...

В кафе царила полутьма. Официант подал им по большой чашке кофе, похожей на пузатую кастрюльку, принес и зажег длинные высокие свечи, похожие на подтаявшие сосульки. От уличного света по стенам и полу пробежали розовые, красные, синие и золотистые сполохи.

Профессор откинулся на стуле и посмотрел на Анну.

– Итак, о чем вы хотели меня спросить?

Анна выпрямилась.

– Я уже кратко рассказывала вам, что работаю в историко-консультативном центре «Клио». Не так давно мы занимались одной историей, распутывали семейные тайны и соприкоснулись с жизнью и творчеством Николая Гумилева. Причем он открылся нам с неожиданной стороны...

Профессор иронично поднял вверх брови, но ничего не сказал. Сейчас в полутьме его глаза были почти черными. Анна вздохнула: со скепсисом она сталкивалась довольно часто и понимала, что людям легче отрицать истину, чем признать то, что выбивается из устоявшегося круга вещей... Тем более ученым, которые привыкли, что все покоится на фактах и доказательствах, как земля в представлении людей древности – на слонах и черепахе.

Анна принялась рассказывать о путешествиях Гумилева в Африку. О его поисках Ковчега Завета... О других загадках и тайнах его жизни, поездке в Англию, обвинении в связи с «делом Таганцева»¹.

Анна увлеклась рассказом, постепенно с лица профессора сошло ироничное выражение, на нем обозначился интерес, а потом и волнение.

– Так-так. – Он отпил кофе и провел по руке быстрым движением, словно поглаживая ее. – Все это чрезвычайно любопытно... и похоже на правду.

– И поэтому меня заинтересовал этот странный портрет Гумилева... Вы не находите, что он отличается от общепринятого представления об облике поэта?

– Отличается, но сохранившиеся образы Гумилева противоречивы. Так, портреты работы Фармаковского и Ольги Делла-Вос-Кардовской представляют нам Гумилева как изнеженного пиита. А ведь он был воином и поэтом. Портрет Шведе действительно необычный... Хотя... – Профессор умолк.

В углу сидела и целовалась парочка, едва слышные звуки поцелуев как невидимые бабочки порхали в пространстве, трепеща нежными крыльями.

С улицы доносился мерный успокаивающий гул машин. Анна сидела и смотрела на профессора, но он, казалось, ушел в свои мысли.

– Я пока боюсь вам высказывать свои соображения и версии. Надо еще кое-что проверить. Что вы делаете завтра? Приглашаю вас в музей Ахматовой.

– Никаких особенных дел у меня не запланировано, так что с удовольствием приду.

– Это хорошо. Я вот вырос и жил в Питере, а сейчас приезжаю в свой родной город почти как турист... Сначала мне это было странно, потом я привык. И то сказать – прежнего Питера почти не существует. И с этим тоже приходится смириться, как и со многим другим... Правда, вот Невский проспект остался, есть еще уголки, с которыми связаны воспоминания молодости. А решетка Летнего сада мне кажется самым лучшим в мире узором!

---

¹ Об этих событиях рассказывается в книге Е. Барсовой «Заветный ковчег Гумилева». М.: Эксмо, 2018.

Профессора потянуло на сентиментальность. Анна почувствовала себя лишней в этом пространстве, где были немолодой мужчина, исчезнувший Питер, его старые друзья и подруги...

– Простите, я выпал из разговора. Впрочем, думаю, сегодня вряд ли мы откроем что-то новое. Предлагаю перенести наш разговор на завтра. Я собираюсь проникнуть в некие тайны и кое-кого потревожить. Назначаю встречу в музее Ахматовой. Там у меня тоже выступление, правда, краткое. В семь часов вам удобно подъехать туда?

– Да.

– Можете прийти пораньше, там открывается чудесная выставка. Советую...

Они расстались: профессор поймал такси и посадил в него Анну, заплатив за нее, несмотря на возражения.

К музею Ахматовой она подошла уже почти в полной темноте: горели тусклые фонари, и их неровный бледно-лимонный свет бросал зыбкие тени на мокрые блестящие дорожки. От ветра качались ветки деревьев, и казалось, что по дорожкам быстро ползут, извиваясь, темные змейки.

Прямо у билетной кассы на стойке спал большой рыжий кот. Анна погладила его, но кот даже не проснулся, лениво мяукнув во сне.

Купив билет, Анна прошла в зал. И здесь ее взгляд упал на женщину, которая торопливо шла впереди нее, забираясь на самый верх. Проследив за ней взглядом, Анна увидела, что она села на последний ряд, устроившись так, что ее почти не было видно. На голове незнакомки красовалась шляпка с маленькими полями, глаза были густо подведены, на губах – яркая алая помада. Одета женщина была в длинную черную бархатную юбку, на плечах – шаль. Она словно шагнула из Серебряного века, позабыв обрести черты современности. Издалека глаза женщины выглядели как темные провалы. Анну незнакомка заинтересовала, и она села так, чтобы было удобно наблюдать за «объектом», в лучших традициях шпионских фильмов.

Начался вечер, посвященный послереволюционной культурной жизни Петербурга.

Александр Николаевич Медведев сидел за столиком на сцене и был одним из соведущих мероприятия. Сегодня на нем красовался не ярко-оранжевый, а бирюзовый шарф насыщенного цвета.

Анна поглядывала на незнакомку. Когда выступал Медведев, женщина слегка подалась вперед, словно желая его получше разглядеть. Она шевелила губами, не то повторяя за ним слова, не то беседуя с кем-то незримым. Когда все закончилось, зрители высыпали в холл, где проходила выставка, и стали рассматривать экспонаты – афиши спектаклей, фотографии, книги, изданные в двадцатые годы. Анна подошла к Медведеву.

– А, добрый вечер, добрый вечер, – приветствовал он ее. – Я вас приметил еще в зале. Сейчас будет неофициальная часть, легкий фуршет, после этого можем уйти. Как вам такой вариант?

– Возражений нет.

Тут же профессора увлекли в сторону и обступили незнакомые люди. Анна стояла у стены и пыталась найти глазами женщину, за которой она наблюдала, но той уже нигде не было.

Через полчаса Анна и профессор вышли на улицу.

– Куда направимся на этот раз? Предлагаю прогулку по Питеру. Я, кстати, неплохой гид – могу похвастаться. Скучать вам точно не придется.

– Вам удалось что-нибудь узнать? Вчера вы говорили, что вам нужно сопоставить кое-какие версии...

– Все – потом, – ответил Медведев несколько загадочно.

...Это была самая фантастическая ночь в жизни Анны, она словно провалилась в другую реальность. О, если бы эти стены и здания могли говорить: наверное, они бы рассказали

столько, что хватило бы не на одну книгу рассказов и воспоминаний. Профессор начал говорить о городе, о знаменитом фотографe Наппельбауме, который запечатлел почти весь Серебряный век в лицах. Потом он смолк, и слышался только плеск воды и чьи-то шаги совсем рядом...

– Слышите? – сказала Анна, остановившись. – Как будто за нами кто-то идет.

Профессор недоуменно пожал плечами.

– В тишине, бывает, слышится и не такое... Петербург расшатывает нервы. В этом городе есть что-то пугающе прекрасное, болезненное, чего не могут вынести люди с тонкой психикой.

Анна одернула себя, ей не хотелось выглядеть перед своим собеседником истеричкой или женщиной с расшатанными нервами. Она вспомнила вчерашние слова профессора о том, что он собирается проникнуть в некоторые тайны. Как далеко он зашел?

Она выдохнула. В воздухе реяло облачко пара. Анна посмотрела на противоположную сторону – словно какой-то силуэт мелькнул в тени здания. Она остановилась.

– Кажется, нас преследуют, – сказала она испуганным шепотом.

– Ну что вы? Кому мы нужны? – иронично ухмыльнулся профессор. – Уличным грабителям? Я уверен, есть более привлекательные фигуры для люмпенского рейдерства, чем мы с вами...

То ли нервы Анны действительно обострились, то ли так на нее подействовал город, эта ночь, тревожный блеск фонарей... Она схватила за руку профессора.

– Может быть, закончим прогулку?

Он снисходительно улыбнулся.

– Сейчас как раз начнется самое интересное, нам предстоит экскурсия в один дом. Там живут мои знакомые, и не просто знакомые, – профессор замолчал. – Мы сможем узнать от них много интересного. Я надеюсь на это.

Они остановились у дома с окнами на Неву.

– Обычно все описывают Питер как город дворов-колодцев, а мы сейчас с вами зайдем в очень приятный дом на воде. Вода создала Питер, и не случайно существуют древние пророчества, что от нее он и погибнет.

Они вошли в дом, потянув на себя тяжелую дверь. Лестница вилась спиралью, уводя вверх. Поднимались пешком, на повороте Анна пошатнулась – закружилась голова, она схватилась за перила, чтобы не упасть. Профессор же шел впереди нее размашистым шагом, не оборачиваясь.

Перед дверью с номером 14 он остановился и позвонил в звонок. Дверь открыли не сразу – сначала за ней послышался звонкий стук каблуков, чей-то приглушенный смех, потом дверь распахнулась. Анна увидела ту самую женщину, которая была в музее Ахматовой, и в недоумении застыла.

– Позвольте представить вас друг другу, – сказал профессор. – Это моя знакомая Анна, она работает в историко-консультативном центре «Клио», а это Ида... моя старинная подруга. При слове «подруга» Ида едва уловимо повела плечами, как будто бы ей стало зябко. Женщина подняла руку вверх, и в ней, как у фокусника, внезапно появился веер, раскрывшийся с легким звуком, подобным тому, который издает лопнувший гранат.

– Ах, ах... профессор, вы шутник, сколько лет прошло-протекло в Лето с нашей последней встречи? Вы об этом задумывались?

Медведев смутился.

– Да. Это было давно.

– «Давно» – чистый эвфемизм, сказала бы я. Игра в бисер или в слова. Сколько прошло десятилетий – два, три, четыре?

– Давай вернемся в сегодня, – мягко предложил профессор.

– Конечно, сегодня – это всегда безопасно. И надежно. Ну проходите же, проходите...

Они шли коридором, который тоже, как и лестница, казался нескончаемым, или это так искажалось пространство в Питере – все приобретало дополнительную глубину, оттенок бездонности, не замечаемый в обычной жизни и при привычных обстоятельствах. Но есть некоторые ситуации, когда все становится иным, и к этому нужно отнестись со смирением, как к неожиданному подарку судьбы.

Наконец они оказались в комнате, большой, полукруглой – она напоминала зал в музее: с картинами, изящными столиками, прячущимися по углам, массивным старинным сервантом с тускло белеющим в его недрах фарфором, с пианино, на котором возвышался канделябр, похожий на руку с растопыренными пальцами, раскрытую для принятия даров. Стены были обтянуты синим шелком, усиливающим впечатление пребывания в царстве воды. По стенам скользили тяжело-серебристые блики от близкой Невы.

– Сюда! – Женщина порхала по квартире, как яркая птица – колибри. Шаль на плечах только усиливала это сходство. – За столик, только не уроните шахматы, которые стоят слева, они старинные...

– Куда мы попали? – шепотом спросила Анна у профессора.

– Сейчас все узнаете, – так же шепотом ответил профессор.

Изящный столик был уставлен тонким фарфором и хрусталем: тарелками, чашками, молочником с острым и нежным клювиком.

– Сейчас к нам выйдет мама.

– Генриетта Дормидонтовна! – с волнением произнес профессор. – Боже мой! Вспомнит ли она меня?

– Когда-то ты называл ее Геней, – с грустью в голосе сказала Ида.

Профессор на этот упрек ничего не ответил.

В комнату вошла, нет, всплыла женщина без возраста. Древняя и вместе с тем удивительно молодая, словно через ветхую оболочку сквозили очертания юности, намеченные легким пунктиром. Она была одета в темное платье с белым кружевным воротничком и ниткой длинных жемчужных бус. Седые волосы были уложены буклями.

– Добрый вечер, – склонился к ее руке Медведев.

– Ах, Саня, – прошелестела пожилая женщина. – Не думала, что мы с тобой еще свидимся в этой жизни. Но замыслы Творца превосходят наши мысли и желания. Господь Бог – большой мастер на всякого рода сюрпризы.

Она перевела взгляд на Анну.

– Это моя знакомая. Историк. Работает в московском историко-консультативном центре «Клио». Нас объединило одно дело, точнее, одна загадка.

– Садитесь! – взмахнула руками Ида. – Кофе, чай?

– Ида! – Голос у Генриетты Дормидонтовны был сильным и звучным. – Подай к столу шампанское! Какая ночь! Вы не находите? – обратилась она ко всем. – Знаете, – и она наклонилась к Анне, словно намереваясь поведать ей страшную тайну, – питерские ночи особенные. В них есть надрыв, печаль и некая болезненная страстность... Как там у Гумилева...

При упоминании поэта Анна слегка вздрогнула.

Перед ночью северной, короткой —
И за нею зори, словно кровь, —
Подошла неслышно походкой,
Посмотрела на меня любовь.

Отравила взглядом и дыханьем,
Слаще роз дыханьем, и ушла
В белый май с его очарованьем,

В невские слепые зеркала.

Шампанское разлили по бокалам.

– За что выпьем? – спросил профессор.

– За любовь! – воскликнула Ида. – Любовь к поэзии и любовь к любви...

– Очаровательный тост! – Анне показалось, что в голосе Александра Николаевича прозвучала ирония.

Она посмотрела на него, но тот был вполне серьезен.

Генриетта медленно пила шампанское из узкого бокала. По ее лицу растеклась блаженная улыбка.

– Прошу к столу, чем богаты, тем и рады. Конечно, хотелось бы более роскошный стол. Но ах и увы! – словно оправдываясь, произнесла Ида.

– Все нормально, Ида! – возразил профессор.

– Давно вы у нас не были, – в голосе Иды прозвучал явный упрек.

– Да. Давно, и разве мы не на «ты», Ида?

– И что вас привело сюда? С итальянских берегов? Вы стали как Максим Горький, наш буравестник, который писал о суровой России и пролетариате, а сам предпочитал проводить время в Италии в окружении прекрасных женщин.

– Работа, Идочка. Работа... Предложили преподавать в Италии. Кто бы от этого отказался? Только не я.

– А семья как?

– Семья – что? Живем, работаем, учимся, Леночка тоже преподает, сыновья уже большие.

Один студент. Другой – работает...

– И не жалеете, профессор? – В голосе Иды прозвенела легкая печаль...

Он уткнулся в свой бокал.

– Еще шампанского, – подала голос Генриетта. – Гулять так гулять!

– Мама... маман... – Между матерью и дочерью состоялась короткая пикировка на языке галлов.

– Генриетта – великолепная переводчица с французского, Ида – тоже, – объяснил Анне профессор.

– Пьем, пока не наступила ночь варваров! – торжественно провозгласила Генриетта.

– Мама, она уже давно наступила... просто многие этого не заметили.

Профессор задумчиво вертел бокал в руках.

– Я к вам по делу, Идочка.

– Я поняла, – с ее уст слетел не то вздох, не то легчайший свист.

– Вы, Генриетта Дормидонтовна, – обратился он к пожилой даме, – были знакомы с Идой Наппельбаум.

Та качнула головой:

– Верно. С ней была хорошо знакома моя покойная мать.

– Вы что-нибудь об этом помните? О том времени?

Она молчала.

Анна съела пирожное. Молчание сгушалось в комнате, нежное, меланхоличное.

– Мама! – дотронулась до руки Генриетты ее дочь.

– Я вспоминаю, – внезапно голова Генриетты затряслась. – Ах, Ида, неразумная Ида, как говорила моя мать. Вы не подумайте ничего такого, – она повернулась теперь к Анне и обращалась к ней одной, словно в комнате больше никого не было. – Ее отец Моисей Наппельбаум был очень уважаемым человеком, он был выдающимся фотографом, даже ездил обучаться в Америку, два года пробыл там, потом вернулся в Россию и вскоре из Минска перебрался в Питер, так как родной город стал ему безнадежно мал и провинциален для тех больших планов, кото-

рые он лелеял и взращивал. Квартира Моисея на Невском стала светским салоном, куда приходили все наши мэтры Серебряного века. Ахматова, Гумилев, Зощенко, Кузмин, Пастернак, Есенин... И всех их Моисей фотографировал. Теперь эти снимки – золотой клад, а тогда об этом никто не думал...

Генриетта снова задумалась. По ее лицу скользили блики воспоминаний.

– Когда говорят о семье Наппельбаумов, чаще всего упоминают двух дочек – Иду и Фредерику, на самом деле детей было пять. Четыре дочери и сын. Но эти две – Ида и Фредерика – были самыми сумасбродными и талантливыми. Они-то и крутились среди посетителей салона. И сами были неплохими поэтессами. С детства писали стихи, так что их путь в поэзию был закономерен.

– Сколько ей лет? – тихо спросила Анна у профессора.

Но Генриетта Дормидонтовна ее услышала и сама ответила:

– Семьдесят пять.

– Не верьте! – шепотом сказала Ида. – Восемьдесят восемь, к ней ходят два друга. Один вдовец, академик. Ему слегка за семьдесят. Другой – сын бывшей подруги, ему шестьдесят восемь. Она не верит своим годам и еще мечтает встретить великую любовь...

– Я буду ждать ее и на пороге смерти... – и прозвучала длинная фраза на латыни.

– Овидий! – восхищенно выдохнул профессор. – Геня, вы все помните!

– Когда-то я была для тебя Геней. Но это время миновало...

– Простите!

– Ничего... Иногда полезно помнить прошлое, но чаще – его лучше забыть. Оно мешает думать о будущем, о тех розах, которые еще ждут нас...

У Анны было чувство, что она попала в театр и перед ней разыгрывается увлекательный спектакль.

– Генриетта Дормидонтовна, расскажите об Иде Наппельбаум...

– Я могу больше рассказать со слов своей матери, которая знала эту семью. Мои предки тоже приехали из Минска и жили недалеко от Наппельбаумов. Они подружились, благо и общие знакомые в Минске нашлись. Было о чем поговорить, что вспомнить. И вот Ида, потеряв голову, влюбилась в Гумилева. Она была в ту пору настоящей красавицей, и у нее были необыкновенно прелестные изящные руки. И надо же – влюбилась в настоящего донжуана, который с такой легкостью разбивал женские сердца. Нужно сказать, что он был некрасив, но, как говорила моя мама, в нем было нечто – какая-то мужская дерзость, что заставляла женщин трепетать и падать к его ногам. Как охотничьи трофеи. Может быть, тому способствовал его ореол воина и путешественника, прекрасные стихи... Трудно сказать, но факт остается фактом – женским вниманием Гумилев, или, как его называли, Гуми, обойден не был. Отнюдь. Несмотря на сокрушительное фиаско у первой жены и любви всей его жизни. Я говорю об Анне Ахматовой. Но если уж Гумилев положил глаз на женщину, то добивался ее до последнего, стремился взять свое. В этом смысле он был настоящим воином. Не случайно его так манила Африка.

– Кажется, здесь есть что сказать нашей гостье, – заметил профессор.

Генриетта Дормидонтовна обернулась к Анне.

– Да, моя милая? – При этом «милая» она сказала мягко, как пропела.

– Да-да, – волнуясь, вступила в разговор Анна.

Генриетта благосклонно наклонила голову, как бы говоря – ничего-ничего. Я слушаю, даже королевы иногда снисходят к простым смертным.

– Недавно к нам обратилась одна девушка, она разыскивала следы своей прабабки, и выяснилась удивительная вещь: оказывается, та была знакома с Гумилевым, и он доверил ей тайну своих африканских путешествий. Если вкратце – он искал там Ковчег Завета...

После этих слов Генриетта впала в такую глубокую задумчивость, что можно было решить, что она уснула, если бы не мерное дыхание и шевеление пальцев,двигающихся так, словно старуха перебирала невидимые четки.

– Ну, я так и думала все это время... – сказала она наконец хриплым голосом. – Чего-то в этом роде и можно было ожидать от нашего Гуми, – усмехнулась Генриетта. – Он всегда был любителем экстравагантных тайн и авантюристом по жизни. Его манило все неизведанное, запредельное...

– Он был розенкрейцером, – вставила Анна.

– Я знаю. Я могу продолжать?

– Да. Конечно.

– Итак, эти две красавицы – Ида и Фредерика – ходили в студию Гумилева. В Дом искусств на Мойке. Сам дом – Елисеевский особняк – выглядел снаружи и изнутри необыкновенно величественно и романтично. В то время вскоре после революции царил разруха, в зимнее время город не отапливался... Каждый вечер Ида как на праздник шла на занятия в поэтическую студию, на свидание с мэтром. И студия носила красивое романтическое название – «Звучащая раковина».

– Геня! Анну интересует портрет Гумилева, написанный Надеждой Шведе. Вы что-нибудь можете об этом сказать?

Руки пожилой женщины задрожали, и она стиснула их, чтобы унять волнение.

– Если бы мои мысли не путались. Очень боюсь что-то забыть...

– Память у нее хорошая, – наклонившись к Анне, сказала Ида. – Она все помнит.

Легкая улыбка тронула губы Генриетты Дормидонтовны.

– Ида Наппельбаум ходила заниматься также к Николаю Радлову, который впоследствии женился на Надежде Шведе... О, и с той и с другой стороны это были весьма примечательные люди. Достаточно сказать, что Коля Радлов...

Генриетта так нежно произнесла это имя «Коля», что Анна поняла: для нее нет ни времени, ни расстояния.

– Коля был великолепным художником, искусствоведам, преподавателем...

– Ах. Что же мы не едим! – спохватилась Ида. – Прошу. Прошу! Нехорошо...

– Ида, оставь... Гости сами решат, что им делать, не опекай...

Возникла пауза.

– И вот Надежда Шведе, которая впоследствии стала женой Радлова, написала этот самый загадочный портрет Гумилева, который после его гибели оказался у Иды. Когда Гумилева арестовали, именно Ида вместе с Ниной Берберовой, другой пассией Гумилева, носила ему в тюрьму передачи, так как молодая жена поэта Анна Энгельгард боялась это делать. И Нина с Идой, точно жены, опекали арестованного Гумилева. Позже они увидели списки расстрелянных, среди которых значился и Гумилев, и обе они, как и другие друзья и знакомые поэта, отказывались в это верить, им казалось, что Гумилев не может умереть... Моисей Наппельбаум купил портрет поэта у Надежды Шведе для своей дочери. У Иды оказалась и другая реликвия, связанная с Гуми, – черепаховый портсигар, который неизменно присутствовал на заседаниях поэтической студии. На нем Гумилев любил отстукивать пальцами. Портрет был с Идой неразлучно: и в квартире на Литейном, и на Рубинштейна. Но в 1937 году стало ясно, что картину в доме держать опасно. Было принято решение разрезать ее на кусочки и сжечь в печке у родственников на Черной речке. Как рассказывала после Ида – ей было плохо, когда картина горела, – казалось, там заживо горит человек. Но на этом история с портретом не закончилась. Иду все-таки арестовали в 1951 году по обвинению в знакомстве с Гумилевым и хранении его портрета. Она получила десять лет лагерей, но отбыла три с половиной года – ей повезло, Сталин умер, дела начали пересматривать. Позднее этот портрет все-таки восста-

новили. Художница Вязьменская создала его заново по черно-белой фотографии и указаниям Иды, которая помнила цвета и оттенки на картине.

– Портрет точно сгорел? – задала вопрос Анна.

Ей показалось, что глаза Генриетты Дормидонтовны странно блеснули. Или это был отблеск от пламени свечей.

Старая женщина чуть помедлила с ответом.

– Конечно, мне же об этом рассказывала мама. Никаких сомнений нет. Потом, как я уже сказала, портрет восстановили. Он странный. Очень странный, – покачала головой Генриетта. – Гуми с бритой головой, как жрец, с книгой в руке... Знаете, есть люди, которые видят нечто большее, чем простые смертные. Можно спорить – всем ли дается этот дар и можно ли его развить. Точного ответа нет, но, несомненно, здесь замешана тонкая наука – генетика. Мы не знаем своих корней, своих предков... Не каждой так повезло, как... Как ее зовут? – обратилась она к дочери. – Актрису, о которой ты мне недавно рассказывала?

– Тильда Суинтон, – вставила Ида. – Она знает свою родословную на протяжении тысячи лет.

Анна вспомнила холодно-мраморную злую колдунью из «Хроник Нарнии» и издала возглас удивления.

– Именно так, – подтвердила Ида.

– Так и должно быть, – заметила Генриетта. – Знание своего рода открывает тайны, спрятанные в прошлом. Ты делаешься сильнее, когда можешь рассказать о своих корнях. Но мы отвлеклись... Я просто хотела сказать, что вы, видимо, принадлежите к тем людям, у которых есть глаза, – обратилась она к Анне.

Та поблагодарила полумрак, потому что иначе всем было бы видно, как она покраснела.

– Вернемся к портрету Гумилева, – продолжила Генриетта. – А ты знаешь, милая, – обратилась она к дочери, – мне хочется еще шампанского. Да что же это за удивительная ночь, – покачала она головой. – Давно у меня не было такой...

Даже в неверном свете колеблющегося пламени свечей было видно, как заблестели глаза старой женщины. У нее выпрямилась спина, и теперь своей осанкой она напоминала королев, какими их обычно рисовали придворные живописцы.

Анне показалось, что комната превратилась в раковину, в которой звучали голоса минувшего. Здесь, в этом странно искривленном пространстве, не было мертвых. Все были живы – давно угасшие тени затрепетали и обрели плоть.

– Гуми на этом портрете как жрец. Книга в руке. И слева от него – Вавилонская башня... К чему это? О чем возвещает этот портрет? – задумчиво спросила Генриетта.

– Гумилев был человеком, который мог заглядывать в иные миры...

Пожилая дама удовлетворенно кивнула и продолжила:

– Он как бы хотел сказать нам о цикличности истории. О том, что все повторяется. Ничто не ново под луной, как поведал нам другой мудрец – царь Соломон. После революции был провозглашен новый строй и иное объединение людей – советский народ... Советский человек – как другой генотип. Здесь можно проследить сходство с историей Вавилонской башни. Смешение языков и народностей при строительстве башни, попытки дотянуться до неба, бросить вызов Богу. Все это присутствовало и при Советах. Но этот строй ждал неминуемый крах, как и строителей Вавилонской башни... Вот что хотел нам сказать несчастный Гуми, который тогда уже все предвидел: и тщетность попыток, и крушение надежд.

– А книжечка красного цвета, очевидно, давала отсылку к коммунизму, – вставила Анна. – Она напоминает паспорт.

– Да... Похоже на то... – Тут Генриетта будто потеряла к ней интерес, погружившись в воспоминания. – Интересно, что портрет написан Надей Шведе, впоследствии Радловой. Радловы очень любопытная семья. Они были связаны с научными и придворными кругами. Насто-

ящая элита того времени. Надежда Шведе – урожденная Плансон, ее отец был вице-адмиралом и членом Императорского географического общества.

– Да, африканские путешествия Гумилева прикрывались научными изысканиями. Его последние посещения Африки – в глубь Абиссинии. Гумилев собрал богатый этнографический материал, который можно видеть и сейчас. Здесь придраться совершенно не к чему, и для всех Гумилев был этнографом-путешественником, обогатившим отечественную науку. Получается, что Шведе и Радлов знали об истинной цели африканских путешествий Гумилева? – после недолгой паузы спросила Анна.

– С высокой степенью вероятности можно утверждать, что это так, – несколько сухо сказала Генриетта Дормидонтовна. – Такое изображение Гумилева свидетельствует о том, что они были посвящены в его тайную жизнь.

– Кстати, стихотворение Гумилева «Заблудившийся трамвай» было опубликовано в сборнике «Огненный столп». Стихотворение написано в 1919 году в декабре, перед Новым годом, поэт как бы предчувствовал будущее, – задумчиво произнесла Анна. – Портрет Шведе создан в 1920 году, а в 1921-м поэта расстреляли. Все складывается в единую цепь. Красная книжечка может быть отсылкой к «Огненному столпу». Скажите, – решила Анна. – Известно, что Гумилев отправился в Африку, имеется в виду поездка в Абиссинию по заданию и под покровительством Музея антропологии и этнографии Императорской академии наук. Директор музея, академик Василий Васильевич Радлов, настоящее имя которого Фридрих Вильгельм Радлов... Я хотела найти связь с родом Николая Радлова, мужем Надежды Шведе. Его отец был философом, тайным советником, работал в императорской публичной библиотеке, а после революции возглавил ее. А дед – Леопольд Федорович – был директором одной санкт-петербургской гимназии, а впоследствии – заведующим этнографическим музеем Императорской академии наук. Есть ли связь между этими двумя Радловыми? Василием Васильевичем и отцом Николая Радлова?

По губам Генриетты скользнула едва заметная улыбка.

– Разве такие связи афишируются? Вы не найдете достоверных данных об этом даже в Интернете, где, казалось бы, можно найти все. Я так думаю, что Всемирная сеть тоже проходит жесткую цензуру, просто этого почти никто не замечает. О, этот тонкий немецкий след... в России, в истории русской науки и культуры, искусства... О, эти саксонские и остзейские бароны... – И она замолчала. А потом резко встрепенулась. – Помните у Булгакова в «Мастере и Маргарите» барона Майгеля, чья кровь наполнила чашу на балу Воланда?

– Конечно, помню...

И здесь пожилая дама засмеялась звонким молодым смехом.

– Правда, это уже, как говорят сегодня, совсем другая история... «Есть нечто, что не пропадает в веках и передается из рук в руки»...

И без всякого перехода:

– Хотите посмотреть наш семейный альбом?

– Конечно, – откликнулась Анна.

А профессор, как ей показалось, издал какой-то неопределенный звук.

Они перелистывали альбом – большой, с бархатным переплетом, с фотографиями, переложенными прозрачной вошеной бумагой. Чтобы увидеть каждую фотографию, нужно было эту бумагу отогнуть, как будто бы снять с дамы вуаль.

На одном из снимков Анна увидела профессора: совсем юного – смешного и долговязого. Он стоял рядом с молоденькой Идой с сачком в руке.

– Александр тогда увлекался бабочками. Помнишь? – спросила Ида, глядя на профессора в упор.

– Да, помню, – пробормотал он скороговоркой. – Правда, ловцом я был никудышным.

– Важен пример, – с ехидцей откликнулась Ида. – Подражание Набокову. Ты же его так любил. Читал в самиздате.

– Любил, – эхом откликнулся профессор.

Но Анне показалось, что он о чем-то своем...

– Это наша дача, – пояснила Ида, когда на фотографии на заднем фоне выплыло деревянное строение с островерхой башенкой. – Старая дача, построенная еще в начале прошлого века. Тогда был моден такой псевдоготический стиль.

Анна посмотрела на Генриетту. Та дремала в кресле, закрыв глаза, старые руки лежали на подлокотниках, несмотря на возраст – изящные, с красивым маникюром.

– Здесь стояла бочка. Помнишь? – азартно продолжала Ида. – Ты однажды разыграл меня, сказал, что в ней на дне живет какая-то тварь. Я посмотрела туда и испугалась: действительно в глубине что-то темнело и шевелилось. А ты на самом деле сунул туда корягу, и она шевелилась от взбаламученной воды, как ящерица или змея... А вот еще снимки дачи. Старые фотографии. Смотри, Геня... Несколько снимков. Молодая с каким-то пакетом. Есть фото, которые снимал наш сосед по даче, влюбленный в Геню. Она даже не знала об этом, он потом незадолго до своей смерти отдал нам эти снимки.

Анна вгляделась в фотографию: вид у молодой Генриетты был испуганным и напряженным.

– Хорошее было время, – с грустью сказала Ида. – И уже ничего не возвратится. Ты был таким юным и трогательным. Ты и сейчас красавец.

– Все мы стареем, – философски заметил профессор. – Время уходит безвозвратно. Ничего тут не поделаешь.

Легкий вздох вылетел из Идиной груди.

Они вели себя так, словно Анны рядом не было...

– Хочешь еще чаю?

– Я уже сыт... Кажется, нашей девушке требуется отдых.

– Но я не хочу спать! – вырвалось у Анны.

– Я о Гене, – сказал профессор.

– Мы не мешаем маме, – прошептала Ида. – Когда я тебя еще увижу?

Профессор смотрел прямо перед собой. Пауза длилась и длилась...

– Завтра рано вставать. Деловые и научные встречи. Ида, даст бог, мы еще свидимся.

– Когда? Жизнь такая короткая... – Анне показалось, что женщина сейчас заплачет.

Профессор резким рывком поднялся с дивана.

– Анна! Как вы? Завтра у вас напряженный день...

Анна поняла, что ее призывают в союзники. Уже во второй раз за последние дни.

– Да, столько всего надо успеть! – с фальшивым энтузиазмом воскликнула Анна. – Уже с утра придется ехать по делам.

– Тогда нам пора. Откланиваемся и уходим.

– Я разбужу маму.

– Ни в коем случае. В таком возрасте сон – и лекарство, и блаженство.

Медведев наклонился и едва коснулся губами руки хозяйки дома, но та не проснулась.

– Мама обидится...

– Скажи ей, что я не хотел вырывать ее из объятий Морфея. Она, как вакханка, легла на зеленые травы Эллады и впала в легкую летаргию от зноя и чувств.

– Ты неисправим. И в самые трудные моменты – шутишь.

– А что еще остается делать, Идочка?

Еще несколько минут они о чем-то тихо переговаривались, Анна же в это время вновь внимательно просмотрела снимки из семейного альбома.

Они вышли в коридор, длинный и бесконечный. Анне казалось, что шаги Александра Николаевича отпечатываются в тишине четко и гулко, как поступь командора из пушкинского «Каменного гостя».

На прощание Ида с приглушенным всхлипом поцеловала профессора в щеку. Он ответил дружеским похлопыванием по плечу.

– Все хорошо, Ида, все хорошо, – повторял он как заклинание.

На улице было светло.

– Я предлагаю немного пройтись.

Какое-то время они шли в молчании, но затем профессор заговорил:

– Бедная Ида! Как вы поняли, у нас был в молодости роман, который закончился ничем. Я уехал в Италию – думал, на год-два, но предложили постоянную работу, я остался, потом встретил русскую студентку – женился. У нас двое детей, и я счастлив. Почему-то считается, что люди должны тосковать по первой любви и думать, что там было великое счастье, мимо которого они прошли. Уверяю вас, это не так. Я вполне счастлив и о другой жизни не помышляю. И честно – не могу себе ее даже представить. Ну какая могла бы получиться из сумасбродной Иды жена и мать? Все в доме было бы вверх дном, кутерьма, беготня... разве это жизнь?

– А может, это и есть настоящая жизнь? – негромко сказала Анна. – Не все можно втиснуть в размеренное существование, иначе жизнь станет похожей на пребывание в концлагере. Иногда хорошо, когда вверх дном, в этом есть что-то живое и честное.

Профессор неловко дернулся, но ничего не сказал.

– Вы – странная, – пробормотал он. – Но спасибо за вечер.

Лицо профессора было печальным и помолодевшим. Раздался звонок, он отошел в сторону и стал тихо говорить по-итальянски. Анне показалось, что по долетевшим до нее словам и интонациям она узнает голос аспирантки Флоры. Как все банально, мелькнуло в голове. И какие мужчины трусы. Им важен покой, все яркое и оригинальное их пугает. Брак – для людей, молодая любовница – для себя. И все втиснуто в жесткие рамки. А Ида, видите ли, была для него слишком сумасбродной. И куда пропал тот мальчик с сачком?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.